

СВЕТЛАНА
ЛЕВИ

Выйти
замуж за....

СОКОЛОВА

Светлана Леви
Выйти замуж за...Соколова

«Автор»

2026

Леви С.

Выйти замуж за...Соколова / С. Леви — «Автор», 2026

Свадьба с незнакомцем — только начало истории. Он сделал предложение, чтобы спасти семейное дело. Она согласилась, поверив в предсказание. Их брак длился ровно три минуты — пока он не сбежал, оставив ей лишь фамилию в паспорте: СОКОЛОВ. Чтобы найти мужа, Анне придется перевернуть жизнь десятков однофамильцев. А Сергею — защитить свой брак-фикцию от прошлого, которое не хочет отпускать, и понять, что самая вынужденная ложь может привести к самой искренней правде. Остроумный и трогательный ромком о любви, которая начинается с самого нелепого «здравствуйте».

© Леви С., 2026

© Автор, 2026

Светлана Леви

Выйти замуж за...Соколова

Пролог

Бело-розовые пионы вперемешку с фрезиями источали сладковатый, тоскливый аромат. Сергей сжал стебли так, что хрустнула прозрачная обертка, и шагнул к чугунной урне. Ровно час он прождал у памятника Лермонтову. Ровно шестьдесят минут его будущее, хрупкое, как лепестки, рассыпалось в прах. Дина не пришла.

Уже приготовившись отправить букет в мусорницу, он услышал отчаянный оклик:
— Не выбрасывайте!

Обернувшись, Сергей увидел не Дину с ее ослепительной, заставляющей оборачиваться красотой, а бегущую к нему незнакомую девушку. Разметавшиеся пряди выбивались из сложной причёски, в ее глазах — паника, словно вина за вселенское опоздание лежала именно на ней. Распахнутая белая шубка и платье цвета шампанского красноречиво говорили, что девушка спешит на торжество.

— Простите, — выдохнула незнакомка, едва переводя дух. — На дороге ужасная пробка, а водитель такси сказал, что ЗАГС в конце этого парка, что можно коротким путем. Понимаете, я опаздываю на свадьбу подруги и так торопилась, что букет забыла в машине...а ваш... он такой прекрасный. Можно я его... выкуплю?

Ее взгляд, полный паники и мольбы, был обращен не к случайно стоявшему на пути мужчине, а к единственному человеку, который мог бы помочь ей в этой нелепой ситуации.

— Берите. Бесплатно, — сухо произнес Сергей, протягивая букет. В его голосе не было ни сожаления, ни интереса — одна пустота.

Незнакомка, бормоча слова благодарности, судорожно ухватила цветы и направилась дальше, но через мгновение замерла в нерешительности.

— Простите — ее голос дрогнул. — Кажется, мне налево?

Сергей машинально махнул рукой в противоположную сторону.

— Направо. По этой аллее до конца. — И сделал шаг в указанном направлении. — Я провожу.

Сергей молча шел рядом, указывая путь, а случайная попутчица семенила следом, прижимая к груди пионы, как трофей. У здания с высокими колоннами, похожего на свадебный торт, остановился.

— Вам сюда.

Внутри заходить Сергей не стал, а остался снаружи, стоял прислонившись к холодному граниту и ждал. Не зная, зачем, но ждал. Может, хотел убедиться, что хоть чьи-то планы сегодня не рухнули.

Через час на крыльцо выплеснулась толпа разгоряченных гостей. Среди них была и та девушка. Отойдя в сторону, без букета, но с бокалом шампанского, она выглядела печальной и одинокой.

И тогда в голове Сергея, загнанного в угол условиями отца, созрел безумный, кристально ясный план.

— Извините, — Сергей подошел к незнакомке, и голос прозвучал уверенно и спокойно. — У меня к вам невероятное, наглое и абсурдное предложение.

Девушка, кутаясь в шубку, удивленно подняла на него глаза.

— Меня только что бросили у алтаря. А вы только что грустили на чужой свадьбе, — он сделал глубокий вдох. — Может, выйдете за меня замуж? Прямо сейчас.

Тишина длилась вечность и ожидать в ответ можно было что угодно, что она рассмеется, выльет ему на голову остатки шампанского из бокала или залепит пощечину.

Но вместо этого незнакомка лишь пристально смотрела на него, будто пыталась разглядеть в его словах скрытый смысл или поворот судьбы, предсказанный гадалкой. Потом ее губы дрогнули в подобии улыбки.

— А кольцо у вас есть? — тихо спросила она.

Это было согласие. Сумасшедшее, невозможное, но согласие. Сергей лишь кивнул.

— Даты расписаны на два месяца вперед, — сухо огрызнулась регистраторша. — А срочно, только при наличии особых обстоятельств, например, беременность.

Сергей, как оказалось, был готов и к такому повороту событий, объяснять ничего не стал, просто достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист со штампом престижной частной клиники.

— Ваша фамилия?

— Что? А... Самойленко. Анна.

Быстро вписав данные в бланк, будущий жених передал документ женщине за столом. Та подняла бровь, взглянула на справку, на его решительное лицо, на безмолвную Анну — и махнула рукой.

— Пятый зал. Ждите. И гос. пошлину не забудьте оплатить!

Спустя полчаса пара стояла в большом светлом зале, ставя подписи под безликую мелодию марша Мендельсона. Сергей достал из кармана бархатную коробочку — неудачный подарок для Дины. Кольцо, холодное и чужое, скользнуло на палец Анны и село идеально, будто было изготовлено специально по этому случаю.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Не удостоив церемонию вниманием, Сергей автоматически забрал экземпляр свидетельства, и в тот же миг зазвонил телефон. Экстренный вызов из клиники. Реальность накрыла с головой.

— Простите, мне срочно. Операция, — бросил он, даже не взглянув на новоиспеченную жену, и убежал. Стремительно, как она вбежала в его жизнь полтора часа назад.

Анна стояла одна посреди пустого зала, разглядывая тонкую полоску золота на безымянном пальце. «Ты встретишь свою судьбу в казенном доме. С цветами», — всплыли в памяти слова гадалки. Пророчество сбылось с пугающей точностью. Это был сон. Кошмарный и прекрасный.

— Паспорт не забудьте, милая, — участливо напомнила регистраторша, протягивая темно-красную книжечку.

Машинально открыв документ, Анна увидела аккуратную прямоугольную печать. Строки расплылись перед глазами, но фамилия читалась отчетливо:

«Брак зарегистрирован с Соколовым Сергеем Николаевичем».

Кровь отхлынула от лица. Боже, что она натворила? Это же чистое безумие! Она, Анна Самойленко, взрослая и разумная, только что вышла замуж за незнакомого мужчину, поверив в глупое предсказание. Ее охватила тихая, тошнотворная паника от собственных мыслей:

«Да! Замужем. Да, сбылось. А стою одна посреди пустого зала. И муж, чье лицо уже начало стираться из памяти, бросил меня прямо в ЗАГСе, сбежав, даже не обернувшись. Как найти среди тысяч Соколовых одного-единственного — своего? И нужно ли?».

Глава 1.

Понедельник в областной библиотеке на улице Маяковского начинался с тишины. Не с благоговейной, а с сонной, пыльной, нарушаемой лишь скрипом старых паркетных полов и шелестом перелистываемых страниц. Анна Самойленко — теперь, видимо, Соколова — ставляла возвращенные книги, и ее движения были отлажены до автоматизма. Но сегодня этот механизм давал сбой. Взгляд раз за разом соскальзывал с корешков на правую руку, где на безымянном пальце непривычно блестела тонкая полоска золота.

— Ань, смотри, не опоздала, пока ты тут в своем... Ой!

Рита, ее коллега и подруга со студенческих лет, появилась из-за стеллажа с современной прозой, неся два дымящихся стаканчика с кофе. Ее острый взгляд мгновенно сфокусировался на руке Анны. Один стаканчик едва не полетел на паркет.

— Что это? — прошептала Рита, подходя так близко, что Анна почувствовала запах капучино вперемешку с духами подруги. — Это то, о чем я думаю? Ты же вчера была на свадьбе у Соньки. Неужели там познакомилась? Это помолвка?

— В некотором роде познакомилась, — тихо сказала Анна, отводя взгляд. — И это не помолвка.

— В каком это «роде»? Быстро все рассказывай!

Анна глубоко вдохнула. Сказать вслух — значило признать, что все произошло наяву.

— Рит... Я вчера вышла замуж. Но не знаю, за кого. За первого встречного, если точнее. Прямо, как в бульварном романе.

И, поддавшись натиску подруги, выложила все: парк, букет, спешку, грусть на крыльце и это безумное предложение. Справку. Кольцо. Побег «мужа». Печать в паспорте.

Рита слушала, разинув рот. Эмоции зашкаливали: сначала шок, потом недоумение, затем возмущение и, наконец, дикий восторг.

— То есть ты, наша тихоня Анна, совершила самый безумный поступок в истории этого скучного города? — вскрикнула она. — Это же... Стой! — внезапно ее глаза округлились от новой догадки. — Это же она! Гадалка! Ты же ходила к ней, как я советовала? Да? Неужели бред насчет свадьбы и незнакомца сбывается? Вот это да! Давай еще раз подробно, что там было?

Анна смущенно вздохнула и покраснела. История с гадалкой в эту минуту казалась нелепой, но в тот момент очень даже правдоподобной.

Неделю назад Рита, отчаявшись «расшевелить» подругу, вручила ей бумажку с адресом. «Сходи обязательно! — приказала она. — Говорят, тетка ясновидящая, всем помогает. Мне подруга подруги советовала. У нее муж не одной юбки не пропускал, а теперь образцово-показательный семьянин. Обещай, что сходишь! Может судьбу тебе предскажет, а то, сидя в библиотеке, мужа ведь не найдешь».

Адрес оказался в старом доме с подворотней, пахнувшей кошачьим кормом и сыростью. Анна поднялась по темной скрипучей деревянной лестнице, где лампочка мигала с подозрительной частотой, и постучала в дверь с табличкой «Таролог-провидица Мария. Консультации». Внутри пахло ладаном, дешевыми ароматическими свечами и чем-то сладким, возможно, вареньем. Это была не комната, а прихожая, заставленная коробками, где кроме Анны на узкой лавочке уже сидела немолодая женщина в клетчатом пальто. Она утирала глаза углами платочка и, увидев девушку, всхлипнула громче.

— Ой, вы такая молоденькая, цветочек и тоже сюда? — выдавила она сквозь рыдания. — Значит, правда, всем сейчас тяжело.

Анна, застигнутая врасплох, молча присела на краешек лавочки, всем видом показывая, что не хочет вступать в разговор. Но женщине, видимо, отчаянно нужен был слушатель.

— Я вот из-за сына пришла, оболтуса! — продолжала она, комкая платок. — Купила ему, дуреха, на день рождения куртку модную, пуховик, с каким-то светящимся логотипом! Семь тысяч отдала! А он — ее голос сорвался на высокую, трагическую ноту, — он ее в раздевалке в колледже забыл, и куртку сперли! Две недели назад!

Анна медленно моргнула, пытаясь осознать связь между украденной курткой и визитом к ясновидящей.

— И... вы хотите, чтобы Мария... вернула куртку? — осторожно поинтересовалась она.

— Да нет же! — фыркнула женщина, как будто это было очевидно. — Я хочу, чтобы она навела порчу на того вора! Или на весь их проклятый колледж! Чтобы они почувствовали! И чтобы сын мой, неблагодарный, урок на всю жизнь получил!

В этот момент дверь в соседнюю комнату приоткрылась, и оттуда высунулось круглое, недовольное лицо.

— Кто там следующий? А, новенькая? Заходи, милочка, не задерживай очередь, — провидица бросила оценивающий взгляд на девушку и кивнула ей. Плачущая клиентка обиженно сморщилась, но умолкла.

Анна, испытывая острое желание развернуться и уйти — и от курточной драмы, и от всей этой вони ладана с вареньем, — все же поднялась и шагнула в полумрак кабинета. Решение было глупым, но оно уже было принято. Оставалось только послушать, какую чепуху ей нагадают про судьбу.

Таролог Мария оказалась женщиной лет шестидесяти в пестром платке на голове, синекрасном до пола балахоне и с огромным количеством колец на пухлых пальцах. И больше всего напоминала буфетчицу из столовой где-нибудь на вокзале, чем таинственную провидицу.

— Садись вот сюда, милочка, судьба давно тебя ждет, — шептала гадалка хриплым голосом, пытаясь его загримитовать под «магический». — Явно хочешь про суженного узнать? Давай посмотрим, что тебя ждет, сделаем расклад на любовь.

Анна нервно слотнула, а гадалка достала из резной шкатулки с черепом на крышке колоду потрепанных карт таро. На стол легли веером необычные картинки. Анна, воспитанная на классической литературе, смотрела на это с внутренним скепсисом, но где-то в глубине души все же надеялась на чудо. И вот Мария, выложив карты, торжественно объявила:

— Вижу, как наяву: мужик метра три ростом, каменный, стоит и тебя ждет, мимо не пройди, а то дороги спутаются. Казенный дом. Свадьба, но не твоя чужая. А невестой ты выйдешь!

Кто букет тебе отдаст свадебный, тот и муж по судьбе будет! Не прозевай, девонька!

Тогда это показалось Анне такой нелепой сказкой, что она сдержанно кивнула, оставила на столе оговоренную сумму (гадалка недовольно хмыкнула) и ушла, решив забыть этот эпизод как курьез. До вчерашнего дня.

— Ну и? — Рита теряла терпение. — Она именно это и сказала?

— Почти слово в слово, — кивнула Анна. — «Кто букет отдаст, тот и мужем будет». Я, конечно, не поверила. Подумала, она всем такое говорит.

— Но сбилось же! — Риту было не остановить. — Значит, не все вранье! Ох, Ань, да ты прям счастливая! Ну, и что теперь? Ты — замужем, как и хотела.

— Формально — да, а фактически — снова одна, — голос Анны дрогнул.

Она посмотрела на кольцо, и в голове вдруг сложилась неприглядная картина.

— Боже, Рита, какая же я дура. Как же сразу не поняла, что он ждал у памятника другую. С цветами и кольцом в кармане. Все было приготовлено для какой-то другой девушки. Наверное, он ее любит, раз хотел расписаться в тот день. А я просто оказалась рядом. Удобным

случаем. И справка из клиники, спешка. Этот Сергей решал какую-то свою проблему, а тут я вовремя подвернулась и решение быстро нашлось.

Мысль была горькой, но отрезвляющей. Анна стала палочкой-выручалочкой для человека, которого поставили в безвыходное положение.

— Мне тридцать, Рит. — Слезы текли по щекам Анны. — Не шестнадцать, чтобы играть в Ромео и Джульетту. Я просто хотела семью. Ребёнка.

Тишина, воцарившаяся после слов этих слов признания, была не пустой. Она была густой, как библиотечная пыль, и звонкой от обрушившихся воспоминаний. Анна отвернулась к окну, где за стеклом медленно плыли белые снежные облака, и позволила мыслям течь, куда им вздумается.

Максим. Это имя давно перестало быть болью, а осталось скорее всего памяткой, аккуратной закладкой в книге ее молодости. Они встретились на втором курсе филфака. Максим, с горящими глазами читал ей Бродского под сенью старого дуба в городском парке, дарил Анне не цветы, а найденные кусочки слюды, утверждая, что это осколки звезд, упавших на землю. Он писал стихи, где ее глаза сравнивались то с омутами, то с грозовым небом. Для Анны, любившей литературу, это была ожившая поэзия. Они мечтали вместе: Максим — о славе поэта-песенника, Анна — о тихом камерном театре, где будет завлитом.

Их любовь была красивой, звонкой и абсолютно не приспособленной к жизни. Молодые ссорились из-за ерунды — из-за невымытой чашки, из-за того, кто должен купить хлеб, — и мирились с пафосными стихами и клятвами «больше никогда». Это была сказка, написанная на папирусной бумаге, невероятно хрупкая.

Разбилась она не о быт, а об его отсутствие. После выпуска воздушные замки потребовали фундамента. Анна устроилась в библиотеку — скромно, но стабильно. Максим же ждал «знака», «вдохновения», «того самого шанса». Шанс, по его мнению, лежал не в провинции.

— Мне надо в Москву, Ань, — говорил он, упаковывая гитару. — Здесь я задыхаюсь. Это болото. Там меня оценят. А ты поедешь со мной?

Она смотрела на его горящие фанатичным светом глаза и видела не будущее, а пропасть. Ее мир — книги, тишина, порядок — был для него «болотом». Ее любовь и поддержка оказались недостаточно грандиозными, чтобы быть «вдохновением».

Максим уехал один, пообещав вернуться за Аней, когда «все устроится». СМС поначалу были полны энтузиазма, потом стали короче, потом не приходили совсем. Через полгода она узнала от общего знакомого, что у Максима «все сложилось» с какой-то продюсершей. Он не нашел славу, но нашел удобный случай.

Тогда Анна поняла главное: она не была «той самой», ради которой ломают преграды. А была лишь приятным, но не обязательным эпизодом на пути человека к его цели. Первая любовь оказалась тихой, удобной и заменимой.

После Максима в сердце образовалась пустота. Анна Самойленко пробовала найти пару, но все как-то складывалось неудачно. Были вежливые свидания с коллегами-преподавателями,

которые разговаривали с ней, как с ученицей. Были неловкие встречи с сыновьями друзей родителей, на которых обсуждали цены на недвижимость. Были попытки подруг «вытащить ее в свет», которые заканчивались тем, что Анна стояла у стены с бокалом сока, чувствуя себя экспонатом под названием «Скромная интеллигенция». С каждым годом розовые девичьи мечты о принце на белом коне выцветали, заменяясь на более приземленные, но оттого не менее острые желания: не страсть, а тепло. Не безумные поступки, а надежность. Не поэзия, а простой разговор за ужином. И самое главное — семья. Ребенок. Аня умело создала вокруг себя тихую гавань в виде уютной квартиры и аккуратно расставленных книг, но которую некому было с ней это разделить.

А потом подкралось тридцать. Не просто очередной день рождения, а своего рода рубеж, после которого вопросы «Ну что, как личная жизнь?» в глазах тетюшек и бывших однокурсниц сменились на другое выражение. На молчаливое, чуть виноватое сочувствие и взгляд, который говорил: «Бедняжка, смирилась, наверное». Это было страшнее любых расспросов. Анна стала невидимой для мира невест и молодых мам. Анна, библиотекарь. Милая, умная, но одинокая.

И вот теперь этот абсурд, сюрреалистический вихрь, ворвавшийся в ее выверенный, предсказуемый мир. Мужчина, которого она видела полтора часа от силы. Чужое кольцо на безымянном пальце и печать в паспорте. А ведь он ждал другую!

— Получается, что этот Сергей Соколов, оказался в отчаянном положении и, видимо, безвыходном, если готов был жениться на первой попавшейся, лишь бы поставить галочку. А я, «первая попавшаяся», оказалась настолько отчаянной в своём одиночестве, что согласилась. — И слезы градом опять потекли по щекам Анны.

— Как ты думаешь, Рит, что это было? Давление семьи? Сделка?

— Пока не знаю. Надо подумать. — развела руками подруга. — А пока присядь, я чай сейчас заварю, кофе пойду вылью, давно остыл.

Анна закрыла глаза. Перед ней стоял расплывчатый образ: растерянный, затем решительный, а в конце — спешащий прочь.

— Понимаешь, ведь он даже не попросил номер телефона. Не предложил встретиться. Просто сбежал, прихватив с собой свидетельство, словно это был чек из магазина, а не документ, скрепляющий две жизни.

— Но, как ни крути, женился-то он на тебе! — решительно заявила Рита. — На Анне Самойленко. Вписал имя в свою жизнь, надел кольцо тебе на палец. И теперь, куда бы он ни делся, в его документах, в любой базе данных, вы — пара.

Рита поставила на письменный стол чашку с крепким черным чаем и разломала на кусочки шоколадку с орехами.

Анна прислонилась к плечу подруги, мысли путались в голове. Она не знала, что будет делать завтра. Стоит ли искать этого Соколова или лучше сделать вид, что все было страшным сном. Но одно она поняла сейчас, сидя здесь среди тишины и книг: вчерашний день навсегда разделил ее жизнь на «до» и «после». «До» — это были годы тихого ожидания, смирения, растворения в фоне. «После» было пока пустым, тревожным полем, полным неизвестности. Но это поле принадлежало ей и первый шаг на него она уже сделала, согласившись на безумное предложение незнакомца.

— Спасибо за чай, Рит, — сказала Анна на удивление ровным голосом. — Пойду, каталог дополню.

— И это все? — Подружка была обескуражена. — Ну каталог, дак каталог. Я помогу.

Глава 2.

В квартире Соколовых всегда пахло двумя вещами: домашней выпечкой и стерильной чистотой. Это были два полюса их мира. Ирина Леонидовна, мама Сергея, успевала между ночными дежурствами в роддоме печь творожные ватрушки, которые таяли во рту. А отец, Николай Петрович, даже дома ходил в идеально отглаженных рубашках, и его брифкейс стоял в прихожей, как часовой, начищенный до блеска.

Их разговоры за ужином мало походили на обычные семейные.

— Сегодня спасли двоих, — могла сказать Ирина, откладывая вилку. — Двадцать пятая неделя, риски зашкаливали. Но вытянули.

— А нам в департаменте снова урезали квоты на оборудование, — хмурился Николай, — придется искать обходные пути. Через благотворительный фонд.

Сергей впитывал это с детства. Медицина для его родителей не была просто работой. Это был фронт, на котором они сражались плечом к плечу, только на разных участках. Мама — на передовой, принимая новые жизни. Отец — в тылу, обеспечивая снарядами и пробивая стратегически важные решения.

Их общая мечта — своя клиника — рождалась именно в таких разговорах. Сначала это была лишь дерзкая идея, которую Николай Петрович высказал осторожно, как бы проверяя, одобрит супруга или нет.

— Представь, Ира, не двадцать коек в общем предродовом, а свои, десять, и где каждой женщине будет оказано должное внимание. Где все будет так, как мы считаем нужным.

Их первой «клиникой» стал крошечный кабинет в старом жилом фонде, больше похожий на подсобку. Сергей, тогда еще школьник, помогал таскать коробки и красить стены. В памяти остался момент, как отец, сняв пиджак, собственноручно чинил протекающий кран, чтобы вода не капала на новое оборудование и запах плесени, который они так и не смогли победить, и теплое свечение настольной лампы, под которой мама заполняла документы до глубокой ночи.

Они выстояли. Через десять лет родилась не просто клиника, а «Колыбель» — Центр репродуктивного здоровья и счастливого материнства. Название придумала мама.

— Потому что колыбель — это начало. Тихая, безопасная гавань. Туда помещают самое дорогое, что есть в жизни. — сказала она, и отец молча кивнул, глядя на проект здания.

Клиника «Колыбель» выросла на три этажа, светлая, уютная, с теплыми деревянными панелями в интерьере и картинами с пейзажами на стенах. Николай Петрович возглавил администрацию, выстроив безупречную работу. Ирина Леонидовна заведовала роддомом на третьем этаже, где каждая палата была похожа на номер в хорошем отеле, если не считать современного медицинского оснащения.

Сергей, прошедший свой путь от ординатуры до ведущего специалиста, не просто продолжил династию, а нашел в репродуктологии свое призвание. Быть не просто врачом, а тем, кто помогает появиться на свет самой надежде.

Кабинет Сергей обставил так, как ему бы хотелось, это был его мир. На одной стене — сложные графики, мониторы, хромосомные карты. На другой — та самая, живая стена, которую так любили фотографировать корреспонденты и разглядывать сомневающиеся что все получится, будущие родители. Не стенд, а пестрый, постоянно растущий ковер из фотографий. Улыбающиеся малыши, счастливые, уставшие родители, первые семейные фото. Под каждым снимком — имя и дата. «Марк, родился 12.01.2023. Наш тихий воин». «Алиса и София, 05.05.2021. Спасибо за двойное счастье».

Сергей знал каждую историю. И для него это были не отзывы. Это были судьбы.

Всё в жизни Соколовых было предсказуемо и прочно, как фундамент их клиники. Пока в один, совсем даже обычный вторник, Николай Петрович не потерял сознание прямо на утренней планерке.

Диагноз прозвучал как приговор, отголосок которого гулял по стерильным коридорам «Колыбели»: рак. Неоперабельный. Внезапный. Жестокий в своей обыденности.

И отца будто подменили. Из стратега, мыслившего категориями проектов и квот, он превратился в человека, отчаянно пытающегося успеть. Успеть всё. А главной его идеей-фикс стал Сергей.

— Тебе почти тридцать пять, — говорил он сыну, сидя в своем кабинете, заметно похулевший, но с еще более острым, пронзительным взглядом. — С Диной вы уже пять лет. Что вы ждете? Пятилетку за три года?

— Пап, мы не ждем, мы просто живем. У нас всё хорошо, — осторожно отвечал Сергей, чувствуя, как привычная логика отца теперь работает против него.

Его лицо, обычно непроницаемое, выглядело уставшим.

— Мое здоровье... дает сбой. Инвесторы, партнеры — они видят в тебе блестящего врача, но не видят преемника. Холостяк, по их меркам, — это нестабильность. Человек без семьи в деле, которое создает семьи. Это плохая метафора. И слабое звено.

— Папа, я веду сотни пар, делая их счастливыми. Что может быть стабильнее? — попытался возразить Сергей.

— Их личные истории остаются за дверью кабинета инвестора, а им нужна простая, понятная картинка. Гарантия. Ты должен создать свою семью. Показать, что осознаешь всю меру ответственности не только на профессиональном, но и на личном уровне, — в словах отца звучала уже не деловая необходимость, а что-то личное, животрепещущее. Страх не успеть увидеть самое главное.

— Я хочу передать тебе «Колыбель», — продолжал Николай Петрович, и его голос дрогнул. — Но мне нужно знать, что она попадает в руки взрослого, женатого человека, который понимает, что такое ответственность не на восьмичасовой рабочий день, а навсегда. Который знает цену семейному очагу, потому что растит своих детей. Я просто хочу этого дожидаться.

Он не сказал прямо: «Я хочу увидеть твоих детей». Не произнес: «Я хочу знать, что наш род, наше дело не прервется». Но это висело в воздухе, тяжелое и беззвучное, как невыплаканная слеза. Это было не просто давление, а паника самого близкого родного человека.

Сергей и сам понимал, что уже «надо». Но Дина, казалось, жила в параллельной реальности, где слова «семья» и «будущее» просто не существовали. Она мило улыбалась, цеплялась за его руку и говорила: «Да у нас и так все замечательно, Сереж!» А в ее глазах он читал лишь спокойную уверенность в том, что ничего менять не нужно.

Глава 3

Сергей Соколов и Дина Лисицына познакомились пять лет назад при весьма странных обстоятельствах. В тот день у Сергея была назначена деловая встреча в ресторане с красивым видом на гладь озера. Внимание присутствующих привлекла сцена за одним из столиков. Девушка невероятной, холодной красоты пыталась встать, а ее спутник — крепкий парень в кричаще дорогом пиджаке — грубо сжимал ее запястье.

— Ренат, отпусти, мне больно, — слышался ее сдавленный, испуганный голос.

— Куда ты собралась! Я еще не закончил, — мужчина говорил громко, вызывая, игнорируя подошедшего официанта.

Сергей извинился перед партером за то, что вынужден прервать беседу и не раздумывая ни секунды направился в сторону скандалиста.

— Девушка явно хочет уйти. Давайте не будем устраивать цирк, это приличный ресторан, а не какая-то забегаловка, — сказал он спокойно, но настоятельно.

Ренат на мгновение опешил, ослабил хватку. Этого было достаточно. Дина вырвалась и инстинктивно шагнула за спину Сергея, как за щит.

— Да кто ты такой, чтобы тут командовать! — Ренат пытался взять Сергея за грудки, но подоспевшая охрана увела нарушителя спокойствия. — Я тебя из-под земли достану!

Сергей, движимый странным порывом, расплатился за чужой несостоявшийся ужин и усадил дрожащую Дину за свой столик, налил воды. Девушка была похожа на испуганную птицу с ярким оперением.

Деловой партнер, пожилой и тактичный Андрей Петрович, наблюдал за происходящим с пониманием.

— Сергей Николаевич, я пожалуй, откланяюсь, — сказал он, отодвигая стул. — Основные вопросы мы согласовали. Детали обсудим в офисе. Проводите даму.

Он кивнул на прощание, вызвал такси и удалился, оставив Сергея наедине со спасенной незнакомкой.

— Простите, я, кажется, сорвала важную встречу, — тихо проговорила девушка, боясь посмотреть в упор на спасителя. Ее глаза, казалось, впитали весь испуг минувшей сцены.

— Встречу можно перенести. А вот вашу ситуацию — вряд ли, — мягко ответил Сергей. — Меня Сергей зовут. Вы успокоились?

Она кивнула, обвивая ладонями бокал с водой, будто пытаясь согреться.

— Да... Спасибо вам. Огромное. Он мог... не церемонится.

— Это ваш молодой человек? — осторожно спросил Сергей.

— Боже, нет! — в ее голосе прозвучала настоящая дрожь отвращения. — Это Ренат, сводный брат. Такая долгая и некрасивая история, что и подумать страшно.

Официант обрадовался, что все закончилось благополучно, подошел и деликатно предложил:

— Может, принести чего-нибудь? Вино? За счет заведения.

Сергей вопросительно взглянул на девушку. Та неуверенно кивнула.

— Да, пожалуйста. Белого, сухого.

Бокалы наполнились, ледок неловкости начал таять. Под легким влиянием вина девушка разговорилась:

— Я, кажется, не представилась. Дина. Отца я совсем не помню, мама всегда воспитывала меня одна, а потом повторно вышла замуж и мы переехали в квартиру отчима. Тогда мне было пятнадцать. Мама заболела и умерла год назад. Отчим вроде не против, чтобы я жила, но Ренат... Он наследник. И считает, что я объедаю их, живу на его законных метрах. Требует, чтобы я съехала.

— А куда? — невольно вырвалось у Сергея.

— Вот именно. Куда? — горькая улыбка тронула ее губы. — Работаю в ювелирном магазине продавцом. На жизнь хватает, а на съемную квартиру в приличном районе — нет. А жить в трущобах, где опять будут такие вот Ренаты... — она вздрогнула и отпила вина.

Сергей слушал, и привычное чувство ответственности, врачебного долга, смешалось с чисто мужским желанием защитить. Она казалась такой хрупкой и беззащитной посреди этого жестокого мира. И очень красивой!

— Знаете, — вдруг сказала она, глядя на огни фонарей за окном. — Вы сейчас выглядите как настоящий рыцарь. Таких в жизни не бывает. Обычно каждый сам за себя.

Они допили вино. Сергей расплатился.

— Могу я вас проводить? Хотя бы до такси?

— А если просто прогуляться? — неожиданно попросила Дина. — Так не хочется возвращаться домой. Мне нужно прийти в себя.

Они вышли на набережную. Вечерний воздух был прохладен, над озером стелился туман. И под шелест листьев Дина рассказывала ему про себя и маму и такую несправедливую судьбу. А Сергей слушал и сопереживал. Он увидел настоящую, неприукрашенную жизнь — жестокую, несправедливую и так захотелось эту несправедливость исправить.

Как-то так получилось, что Сергей инстинктивно выбрал путь в направлении своего дома, а там за разговорами решение созрело само собой, импульсивное и искреннее.

— Послушайте, Дина, — молодые люди остановились у подъезда. — То, что вы описали — это не жизнь, а выживание. У меня большая квартира, три комнаты. Я там почти не бываю, работаю сутками. Вам нужен временный плацдарм, чтобы встать на ноги, найти нормальное жилье. Не хотите ли пожить у меня? Безо всяких условий. Просто в качестве помощи другу.

Предложение повисло в воздухе. Дина смотрела широко раскрытыми глазами, в которых смешались недоверие, надежда и тот самый расчетливый блеск, которого Сергей в темноте просто не мог разглядеть.

— Как-то неожиданно? А это будет удобно?

— А почему же нет? Я живу один, вы попали в крайне затруднительное положение.

Конечно же, Дина согласилась и в тот же вечер осталась у Сергея ночевать. А потом включила обаяние на полную мощность. Она была нежной, благодарной, создавала уют, училась готовить его любимые блюда по рецептам Ирины Леонидовны. Смотрела на него широко раскрытыми глазами, полными обожания и наивного восхищения. Сергей влюбился. Влюбился в этот образ — спасенной, простой, искренне привязанной к нему девушки.

Через месяц они поехали на квартиру к Ренату за вещами.

Ренат, в тренировочных штанах и со злобной усмешкой, перегородил дверной проем.

— Ну вот и принц на белом мерседесе прискакал? — сплюнул он. — Забирай свою золушку. Только смотри, чтоб обратно не приползла.

Ренат на правах хозяина не просто вынес коробки с вещами, а швырнул их в коридор так, что хрустнуло стекло какой-то рамки. Дина, белая от страха, попыталась пройти за очередной сумкой, но Ренат схватил ее за предплечье, оставляя красные полосы от пальцев.

— Помни, сестричка, отсюда ты ушла навсегда. Не вздумай вернуться!

Сергей, стиснув зубы, шагнул между ними. Молчание, которым он ответил на злобный взгляд Рената, оказалось красноречивее любых слов. Они уехали под свист и похабный смех в спину. В машине Дина тихо плакала, а Сергей клялся себе, что никогда больше не позволит никому причинить ей боль.

Сергей наивно полагал, что спас ее и дал шанс на другую жизнь. Но не увидел другого — ледяного, расчетливого блеска в ее глазах, когда Дина, вытирая слезы, смотрела на исчезающий вдаль район хрущевки. Золушка взяла комфортабельную крепость Сергея штурмом, а он сам стал ее главным трофеем, идеальным билетом в тот мир, куда она так отчаянно стремилась.

Вскоре после переезда старый гардероб Дины, состоявший из стойкой синтетики и подержанного шика, отправился на помойку. А место заняли бесшумные шелка, мягчайшая шерсть и лаконичный крой дорогих марок. Она научилась носить эту роскошь с непринужденностью, будто родилась в ней.

Их совместное появление на корпоративах клиники «Колыбель» всегда становилось событием. Дина была той красотой, которую не обсуждают — ею молча любуются или тихо ненавидят. В платье, облегающем ее идеальные формы как вторая кожа, с холодным блеском идеально уложенных волос и безупречным макияжем, она напоминала редкую, отшлифованную льдинку — сверкающую и недоступную. Сергею, признаться, льстили взгляды, которые провожали его спутницу. В них он читал мужское восхищение и зависть, и это было приятным подтверждением его собственного статуса: он мог позволить себе такую женщину.

Но был и другой полюс внимания — острый, колючий, женский.

В укромном уголке бара, потягивая коктейли, два врача клиники: Людмила и Ольга, наблюдали за парой.

— Смотри-ка, наш принц снова привел свою Золушку. Точнее, уже Королеву льда, — язвительно бросила Людмила, поправляя бусы. — Интересно, он когда-нибудь слышал, как она говорит о чем-то, кроме новой коллекции Cartier или курортов в Швейцарии?

— Ой, да брось, — фыркнула Ольга, врач-эндокринолог. — Зачем ей говорить? Она же экспонат. Поставил на видное место — и любуйся. Только экспонаты обычно молчаливые ценности представляют. А эта... слышала, на прошлом приеме у Николая Петровича ляпнула, что ЭКО — это «какая-то сомнительная возня с пробирками»? У Ирины Леонидовны чуть инфаркт не случился.

— Сергей-то ничего, врач хороший, — вздохнула Людмила. — Но слеп как крот. Видит только обертку. А что внутри — пустоту и расчет — не замечает. Она же на нем, как лиана на дубе. Вытянет все соки для своего блеска и отвалится, когда дуб станет ей не нужен или ослабнет.

— Говорят, он уже не раз намекал на свадьбу, — понизила голос Ольга. — А она уводит разговор. Зачем менять статус содержанки на статус жены? Жена — это обязанности. А так — все права и полная свобода. Чуть что — «ты меня не ценишь, я уйду». И он бежит заказывать очередную безделушку в ее любимом бутике.

— Жалко его, — констатировала Людмила, следя, как Дина со сладкой улыбкой берет у официанта фужер, даже не взглянув на него. — Вырос в интеллигентной семье, душа чистая, верит в сказки про спасение. А попал в лапы к холодной, голодной и очень красивой аферистке. Рано или поздно он это поймет.

— Вот только боюсь, — добавила Ольга, — что когда поймет, будет уже поздно. Или слишком больно.

Их смех, потонул в звуках музыки. Сергей, обнимавший Дину за талию, этого не слышал, а видел только ее профиль, освещенный мягким светом люстры, и чувствовал себя хозяином положения. Он и не подозревал, что уже давно стал не хозяином, а самым ценным и пока что неисчерпаемым активом в коллекции этой безупречной, ослепительной и расчетливой женщины.

И вторым успехом был уход Дины с работы.

— Ты выглядишь совершенно разбитой, — с беспокойством заметил Сергей, застав Дину лежащей на диване в полумраке. На ее обычно безупречном лице были следы слез, а вернее сказать — мастерски наведенные их следы.

— Это все новый директор, — всхлипнула она, прикладывая ладонь ко лбу. — Он превратил работу в ад. По двенадцать часов на ногах без перерыва, унижительные планки продаж, придирки к каждой мелочи. Я чувствую себя, как загнанная лошадь.

Она разрыдалась — красиво, горько и очень убедительно. Долго сетовала на жестокость мира, на свою усталость и безысходность. Сергей, пришедший домой после сложной операции, просто засыпал на ходу, но внимательно слушал, и его сердце сжималось от знакомой смеси жалости и ответственности. Он видел перед собой не избалованную красавицу, а ту самую испуганную девушку из ресторана, которую снова обижал мир.

— Знаешь что, — наконец сказал он, садясь рядом и обнимая ее за плечи. — Хватит это терпеть. Уходи. Уходи с этой каторги. У нас хватит денег, чтобы ты могла не работать. Совсем.

Слезы мгновенно исчезли. В глазах, влажных от недавних рыданий, вспыхнул такой искренний, ликующий восторг, что Сергей на мгновение усомнился: а была ли хоть капля правды в этих жалобах?

— Правда? Ты не шутишь? О, Сережа, ты мой спаситель! — Дина обвила его шею руками, осыпала поцелуями, и благодарность вылилась в бурную, страстную ночь, которая стерла последние тени сомнений из его головы.

Теперь у Дины было все. Жизнь превратилась в бесконечный, отлаженный ритуал удовольствий. Утро начиналось с йоги в самой престижной студии, затем — долгое кофе с подругами в панорамном кафе, после — набег на бутики, где продавцы уже знали ее по имени. После обеда — косметолог, спа-процедуры, маникюр. Она обрастала новым кругом общения — такими же сверкающими, свободными от забот подругами, чьи мужья и спонсоры тоже «все позволяли». По вечерам эта компания часто пропадала в модных барах и закрытых клубах.

Но Дина была умна, установила железное правило: если Сергей не на ночном дежурстве, она всегда дома. К его приходу квартира сияла чистотой, пахло чем-то вкусным (благодаря нанятой домработнице, которая взяла на себя и уборку, и готовку), а сама Дина встречала его в уютном домашнем платье, с расспросами о его дне. Она играла роль образцовой хозяйки безупречно, создавая для Сергея островок мнимого уюта и заботы: теплый свет, накрытый стол и красивую женщину, которая, казалось, ждала только его.

Но идиллию их устроенной жизни нарушало только одно — холодные, оценивающие глаза Николая Петровича. С Ириной Леонидовной Дина быстро нашла общий язык: можно было обсуждать новые коллекции, салоны красоты и светские сплетни, и мать Сергея, уставшая от высоких медицинских материй, снисходительно позволяла себе это легкое общение. Но отец был непробиваем.

Он видел в Дине не человека, а проект, который с его точки зрения, был провальным. Ее «образование» — только школа, «карьера» — несколько лет за прилавком, закончившиеся ничем. Главные интересы — потребление и самопрезентация. Для человека, выстроившего империю с нуля своим умом и трудом, такое существование было не просто чуждым — оно было оскорбительным. А Николай Петрович был человек дела и не умел это скрывать.

Конфликт, тлевший месяцами, громко вспыхнул на одном из редких семейных ужинов в родительском доме. Стол ломился от простой, но вкусной еды, которую Ирина Леонидовна приготовила сама. Дина, в новом платье от бельгийского дизайнера, небрежно ковыряла вилок салат, явно скучая. Разговор зашел о новых курсах повышения квалификации для среднего медперсонала в «Колыбели». Николай Петрович, обращаясь вроде бы ко всем, смотрел прямо на Дину.

— Вот и правильно. Человек должен постоянно развиваться. Стоять на месте — значит деградировать. Особенно в молодости, — произнес он, отхлебывая борщ. — А ты, Дина, не думала получить наконец какое-то образование? Хотя заочно. Торговля — это, конечно, тоже опыт, но несерьезно. Могла бы пойти, например, на курсы администраторов. В нашей клинике пригодилась бы.

В воздухе повисла тягостная пауза. Дина медленно положила вилку.

— Николай Петрович, я не очень понимаю, зачем? У Сергея все хорошо, мы ни в чем не нуждаемся. А работа с людьми — это такой стресс, — произнесла она сладким, но ледяным голоском.

— Стресс? — отец фыркнул. — Жизнь — это стресс, деточка. А сидеть на шее у мужа — не профессия. И тратить его деньги в бутиках — не призвание. Нужно иметь свое дело, свою цель. Иначе к сорока годам останешься пустой, красивой вазой, которую некуда будет поставить.

— Папа! — резко оборвал его Сергей. Лицо его горело. — Дина — не пустая ваза. И она не сидит у меня на шее. Она создает в нашем доме уют, она поддерживает меня. А деньги... Я их зарабатываю для нас. И вправе сам решать, как мы их тратим.

— Создает уют? — Николай Петрович смерил Дину взглядом, который видел насквозь домработницу и готовые блюда из ресторана. — Я вижу результат. Вижу, как ты, сын, с утра до ночи в клинике, а твоя девушка «создает уют» в спа-салоне. Это не партнерство. Это содер-жанство.

Дина громко всхлипнула, и на ее глазах выступили предательски идеальные слезинки.

— Я так стараюсь... Я просто хочу, чтобы у Сережи все было прекрасно, когда он приходит домой...

— Прекрасно — это когда дома есть человек, а не интерьерная кукла! — повысил голос отец. — Когда с ним есть о чем поговорить, кроме цен на сумки! Когда он знает, что в случае бури его женщина будет не обузой, а опорой!

— Хватит! — Сергей встал, его стул чуть не упал назад. — Я не позволю тебе так говорить с моей избранницей. Она прошла через ад в своей прошлой жизни, и теперь имеет право на покой и красоту. Я дал ей этот покой. И если для тебя это «содержанство», то мне жаль. Я люблю ее. И мой выбор — только мое дело.

Он обнял за плечи дрожащую, по его мнению, от обиды Дину. Ирина Леонидовна тихо попросила: «Коля, перестань, не надо ссоры...»

Николай Петрович откинулся на спинку стула и обреченно посмотрел на сына — умного, талантливого, слепого. В глазах горела не злоба, а горькое разочарование и усталость. Он видел стену, которую не пробить логикой.

— Хорошо, — тихо, но четко произнес он. — Твое дело. Твой выбор. Но запомни, сын: то, что ты называешь покоем, очень часто оказывается болотом. А в болоте ни построить что-то прочное, ни вырастить дерево с глубокими корнями, невозможно.

Он больше не говорил с Диной на эту тему и как будто смирился. Но это было не смирение, а стратегическое отступление. Он понял, что слова бесполезны. Остается только один рычаг — наследство, дело всей его жизни. И вот теперь, когда время стало для него самым дефицитным ресурсом, отец использовал этот рычаг, выдвинув ультиматум.

Вопрос о женитьбе встал не потому, что созрели чувства, а потому, что пришло время платить по счетам. За иллюзию покоя, за красивое лицо, за пять лет удобной, но бессмысленной жизни. И родители Сергея понимали, что Дина не собиралась подписывать такую смету.

Глава 4

Субботнее утро стелилось по квартире полосами солнечного света, выхватывая из полумрака пылинки, парящие в воздухе. Сергей, чей внутренний будильник срабатывал в семь даже

в выходные, осторожно выбрался из постели, чтобы не разбудить Дину. Прошел на кухню и с почти медитативной сосредоточенностью приготовил кофе в медной турке — ароматный, крепкий, как любила она.

С чашкой в руке, Сергей застыл в дверях спальни. Дина спала, зарывшись лицом в его подушку. Рассыпавшиеся по шелковой наволочке волосы отливали черным золотом, ресницы — длинные, идеальные — лежали на щеках. В этот момент, лишенный мишуры и маскировок, любимая казалась ему невероятно хрупкой и настоящей и, сердце сжалось от привычной, сладкой боли обожания.

Дина почувствовала его взгляд, открыла глаза, и губы расплылись в сонной, довольной улыбке.

— Иди ко мне, — прошептала она хриловатым от сна голосом, откидывая одеяло.

Сергей послушно лег рядом, и утро растворилось в привычной, отточенной годами близости. В этой сфере между ними все было идеально — страстно, синхронно, без слов. Именно в такие моменты Сергей гнал прочь колкие замечания отца и сомнения. Как может что-то быть не так, когда между нами все так замечательно? — думал он, целуя ее висок.

За завтраком Дину ждал сюрприз:

— Собирайся, мы едем за город. На пару дней, турбаза «Сосновый бор». Бери только самое нужное и теплые вещи — там лес, воздух чистейший, обязательно погуляем.

Дина просияла — не той искусственной, ослепительной улыбкой для фото, а по-детски искренней.

— Правда? Как здорово! Я так соскучилась по природе! — воскликнула она и побежала в гардеробную собирать чемоданы с такой скоростью, будто ее ждал не сосновый бор, а подиум в Милане.

Сергей наблюдал за ней с улыбкой, пока его внимание не привлекло назойливое, тихое «пик-пик». Сообщения на ее телефон шли одно за другим, с интервалом в несколько секунд. Он нахмурился.

— Кто это тебе так строчит в субботу, с самого утра? Деловой партнер? — пошутил он, но в голосе прозвучала легкая, едва уловимая нотка ревности.

Дина, не отрываясь от укладки стопки шелковых блузок, махнула рукой.

— Ой, да это Лариска, с бывшей работы. Задолбала уже. Зовет на какую-то новую силовую тренировку, — она фыркнула. — Представляешь, качать железо в выходной?

— Ничего себе, — удивился Сергей. — А я и не знал, что ты на «ты» с железом. Думал, что йога — твой конек.

— Ну, йога — это да, — быстро согласилась Дина, на секунду задумавшись. — Но Лариска настаивает. Говорит, надо разнообразить.

Телефон снова пиликнул, настойчиво, словно требуя ответа.

— Да позвони ты уже этой Ларисе, — не выдержал Сергей, — раз уж она так беспокоится. Скажи, что у тебя планы, а то умаялась писать.

На лице Дины мелькнула тень раздражения, но она мгновенно погасила ее сладкой улыбкой.

— Сейчас, солнышко. — Взяла трубку, но отошла к окну. Сергей жестом показал, что идет в душ, и вышел. Дверь в ванную он прикрыл не до конца, оставив щель — не специально, просто так получилось и пока не включил воду, услышал обрывки фраз. Голос Дины звучал не так, как всегда. Не было в нем ни игривости, ни томности. Он был плоским, сухим, отрывистым.

— Да... Нет... Не сегодня... Не могу. Подождешь.

Пауза. Сергей уловил не тон, а интонацию. Резкую, шипящую, полную неприкрытого зла. Дальнейших слов не разобрал, да и не было цели подслушивать, открыл воду. А когда вышел, Дина стояла у зеркала в прихожей, поправляя капюшон новой канадской курки. Ее лицо было абсолютно спокойно, красиво, как всегда.

— Все уладила? — Сергей ловил взгляд, наблюдая за ней в отражении зеркала.

— Конечно, милый! — Дина обернулась, и в ее глазах снова играл теплый, любящий блеск. — Сказала, что мы с тобой сбегает в лес, как подростки. Лариска аж завидовать начала! Да и вырваться из города на природу — это здорово!

Сергей обнял ее в ответ, прижал к себе, стараясь заглушить странный, холодный комок под ложечкой. Это просто нервы, — убеждал он себя. Работа, отец, эта вечная спешка. Лариска с ее дурацкой тренировкой. Ерунда. Но когда выезжали из подземного паркинга, а Дина, устроившись на пассажирском сиденье, снова уткнулась в яркий экран телефона, Сергей поймал себя на мысли, что впервые за пять лет ему вдруг страстно захотелось увидеть, что именно она сейчас пишет. И кому.

К отелю «Сосновый бор» Сергей и Дина добрались уже затемно. Сквозь сумрак проступали гигантские, почти мистические силуэты вековых сосен, а воздух, густой и смолистый, обволакивал машину, как только они свернули с трассы. Сам отель, стилизованный под русскую усадьбу из темного бревна, светился золотыми окнами, обещая тепло и уют.

Пока Сергей оформлял заселение, портю с едва заметным изумлением наблюдал, как из багажника внедорожника извлекали один чемодан за другим.

— Семь, — автоматически подсчитал Сергей, ловя восхищенный взгляд администратора в сторону Дины.

Их номер — «Лесной сюит» — оправдывал название. Просторная гостиная с камином (правда, электрическим), панорамное окно во всю стену, выходившее в непроглядную, темную чащу, и огромная кровать под балдахином из грубого льна. Дина, скинув сапожки, прошлась в носочках по теплому полу с подогревом и милостиво кивнула:

— Мило. Пасторально.

Пару ждал конверт с программой на завтра: завтрак, экскурсия в усадьбу князей Волконских в двух километрах, обед, прогулка по парку, а после ужина — банный комплекс с бассейном и спа. Отъезд — в понедельник к обеду. Идеальный, тихий, романтичный план.

Сергей заказал ужин в ресторане отеля на восемь. Он все продумал: столик у витражного окна, живая тихая музыка, ее любимое белое бургундское. Но нервничал, как мальчишка, то и

дело проверяя бархатную коробочку в кармане пиджака, потому что хотел сделать все красиво. Правильно.

Ужин прошел на удивление спокойно. Дина была в ударе, очаровательна, смеялась его шуткам, с аппетитом ела стейк из лосося. Когда подали десерт — теплый шоколадный фондан с тающим мороженым — Сергей сделал глубокий вдох.

— Дин, эти пять лет были для меня самыми счастливыми, — начал он, заглядывая ей в глаза. — Ты сделала мой дом — домом. И я хочу, чтобы это было навсегда. Законно.

Он встал, достал коробочку и открыл ее. На синей бархатной подушке лежало кольцо — идеальный бриллиант-солитер в тонкой платиновой оправе, холодный и чистый, как слеза.

— Выходи за меня замуж.

Тишина затянулась. Дина смотрела то на кольцо, то на смущенного Сергея. На ее губах не было улыбки, а лишь легкое, испуганное недоумение.

— Сережа... это так внезапно. Зачем? — наконец выдохнула Дина, отодвигая десертную тарелку, будто в эту минуту ей предложили не руку и сердце, а что-то горькое.

— Как «зачем»? Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была моей женой.

— Но нам и так хорошо! — в ее голосе зазвучала нота легкой истерики. — Зачем эти бюрократические условности? Гражданский брак — он даже честнее. Люди вместе, потому что хотят быть, а не потому что бумажка обязывает.

Сергей медленно сел. Коробочка с кольцом осталась лежать на столе между ними, как неловкий свидетель.

— Это не просто «бумажка» для меня. Мой отец... он очень болен. Это важно. Он мечтает о нашем крепком союзе. А потом передать мне клинику, но инвесторы смотрят на семейное положение. Это вопрос будущего, Дин.

— Ну вот, — с горькой победоносностью вскрикнула она. — Это про бизнес! Про клинику! А я-то думала, про нас!

— Это про нас! — почти повысил голос Сергей, заставляя пару за соседним столиком обернуться. — Наше будущее зависит от этой клиники. Или ты думаешь, мы сможем позволить себе такую жизнь, если я ее лишусь? Но дело не только в этом! Я хочу быть с тобой. Всегда. Я готов! И да, я хочу детей.

Это было ошибкой. Лицо Дины исказилось гримасой брезгливости.

— Дети? Ой, Сереж, ну что ты. Пеленки, сопли, вечный крик. Фу. Я на это не подписывалась. Извини, но абсолютно не готова превращаться в замученную тетку с растяжками.

В груди у Сергея что-то надломилось с тихим, отчетливым хрустом.

— Дина, — он говорил теперь тихо, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Скажи честно, ты меня любишь?

Дина откинулась на спинку стула, скрестив руки, красивое лицо стало холодным и расчетливым.

— А причем тут любовь? — ее голос прозвучал удивленно-презрительно, будто он спросил что-то абсурдное. — Мы хорошо живем. У нас все есть. Зачем усложнять жизнь свадьбами и детьми? Это же кабала на всю жизнь.

Слова повисли в воздухе, острые и безжалостные. Сергей замер. Казалось, время остановилось, и в этой тишине он с пугающей четкостью услышал тихий, отчетливый щелчок — звук лопнувшей внутри него иллюзии. Сейчас перед ним сидела не испуганная девушка из ресторана, а холодная, прагматичная женщина, которая устроилась в жизни с комфортом пятизвездочного отеля. Все, что считалось любовью, нежностью, привязанностью — оказалось тонкой, искусной игрой. Пять лет безоблачной жизни превратились в фарс. Волна отчаяния и гнева подкатила к горлу, но Сергей подавил ее, заставив разум работать с ледяной, почти хирургической точностью.

— Тогда давай говорить на твоём языке. На языке выгоды.

Он отодвинул десертную тарелку и сложил руки на столе, глядя на нее как на оппонента на переговорах.

— Без штампа в паспорте ты для моей семьи, для закона и для моих активов — никто. Посторонний человек, сожительница. Если завтра я попаду под машину, ты не получишь ни копейки. Мои родители через суд выселят тебя из квартиры в течение месяца. Все твои чемоданы и шубы не стоят и десятой доли того, что ты привыкла тратить.

Дина слегка побледнела. Ее пальцы судорожно сжали край скатерти.

— У тебя же есть завещание.

— Которое оспорит мой отец. И выиграет. У него лучшие юристы в городе. — Сергей сделал паузу, давая этим словам достичь цели. — Брак — твоя единственная юридическая защита. Гарантия, что в случае чего ты получишь половину. И содержание. Это не "кабала", Дина. Это страховой полис на твою безбедную жизнь. Мой последний подарок тебе за эти пять лет. И мой — долг.

Он произнес это без тени упрёка, как констатацию факта и тон был настолько деловым и отстраненным, что Дину, кажется, впервые за все годы знакомства пронзил настоящий, животный страх. Не страх потерять его, а страх потерять все. В глазах мелькнула паника, быстрая, как вспышка. Дина молча оценивала риски. Цену ошибки. Цену его щедрости, которую раньше считала безграничной и вечной.

— Мне нужно подумать, — ответила, нехотя, Дина, избегая его взгляда и отодвигая коробку с кольцом от себя. — Это очень серьезно. — В голосе впервые за вечер появились нотки неуверенности.

— Конечно, — Сергей кивнул, поднимаясь. Он больше не смотрел на нее с обожанием. Просто смотрел на человека, с которым только что заключил тяжелое, но необходимое перемирие. — Подумай. Но не долго. Пары дней хватит?

Сергей вышел из ресторана один, не оглядываясь. В груди была не боль, а огромная, звенящая пустота. И странное, горькое облегчение. Иллюзии кончились. Теперь остались только факты, условия и холодный расчет. Именно на этом фундаменте он и собирался строить свое будущее — с ней или без нее.

В номер Сергей вернулся часа через два. Коробочка с бриллиантом лежала на столике, как памятник провалу, но Дина явно не собиралась портить себе выходные. Посердившись для вида минут двадцать, она вздохнула и подошла к Сергею, неподвижно стоявшему у окна.

— Ну, Серж, — ее голос стал шелковым, растаявшим. — Ты должен понять, я просто испугалась. Это так внезапно. — Она обняла его сзади, прижалась щекой к спине. — Мы же и так счастливы? Давай не будем ссориться. Я так тебя люблю.

Сергей не ответил. Ее прикосновение, когда-то вызывавшее трепет, теперь ощущалось как чужая, отрететированная ласка. Он чувствовал, как тело автоматически откликается на знакомую близость, в то время как разум оставался ледяным и отделенным. «Игра», — пронеслось в голове. Но он устал. Устал от борьбы, от прозрений, от необходимости принимать решения. Проще было позволить течению нести себя эти последние дни.

— Я тоже тебя люблю, — услышал он свой собственный, механически-ровный голос. Сергей обернулся и притянул Дину к себе, совершая привычное движение. — Просто для меня это важно.

— Я знаю, милый. Дай мне немного времени осмыслить, хорошо? А пока. Давай наслаждаться этими днями. — И поцеловала.

Сергей ответил на поцелуй автоматически, сейчас его мысли были где-то далеко.

Утро воскресенья началось с первого снега. Сергей стоял у панорамного окна, наблюдая, как мир прячется под белым саваном. В этой чистоте была жестокая ирония — природа стирала все очертания, подобно его попыткам стереть из памяти вчерашний разговор.

Дина проснулась в прекрасном настроении. Быстро позавтракала, надела новый пуховик, замшевые сапоги и вязаные перчатки из козьего пуха.

— Ой, снежок! Как сказочно! — воскликнула она, выскакивая из номера. — Представляешь, какие фото будут! Прямо зимняя сказка!

Сергей наблюдал за спутницей — красивой, оживленной, абсолютно искренней в своем потребительском восторге. Он смотрел на нее, как на дорогую, безупречную вещь, которую вот-вот придется отдать. И в этой мысли не было боли, лишь усталая готовность к неизбежному.

В то же самое время Анна Самойленко выходила из электрички на станции «Сосновка», кутаясь в тонкое драповое пальто и поправляя на ходу лямки рюкзака. Следом на платформу выпрыгнула подруга Рита.

— Ух, зябко! Зато красота какая! Ощущаешь? — Рита потянула носом воздух, пахнувший снегом, дымом и прелыми листьями. — Не думала, что так быстро приедем. Ну что, наша программа в силе: усадьба Волконских, а потом у меня на даче глинтвейн и книги! Погнали, экскурсия в десять!

Подруги успели к самому началу. Усадьба, строгое классическое здание из красного кирпича, выглядела особенно торжественно и меланхолично под первым снегом. Голые ветви вековых лип склонялись над замерзшими клумбами, где кое-где проглядывали поздно высаженные цветы.

Пока гид собирал народ, Анна осматривалась. И вдруг Рита толкнула ее локтем.

— Ого, смотри-ка, — прошептала она. — Прямо с обложки зимнего каталога. Видела когда-нибудь такое живое совершенство в реальности?

На крыльце, под кованым навесом, стояла девушка невероятной красоты в белоснежном пуховике, оттенявшем идеальный макияж. Она что-то говорила своему спутнику и фотографировала на телефон. Мужчину рядом Анна почти не заметила — лишь мельком увидела темное пальто и шарф. Он был просто фоном, тенью рядом с этим сиянием.

— Невероятно, — согласилась Анна, чувствуя, как от этого зрелища становится еще холоднее. — Как будто сошла со страниц журнала «Vogue».

Их группы смешались в холодных, неотапливаемых залах усадьбы. Незнакомка, как магнит, притягивала взгляды. Подруги пару раз оказывались рядом, и Рита не могла удержаться:

— Смотри, какие сапоги! Наверное, жена какого-нибудь олигарха или богатого мажора.

Позже, в парке, покрытом тонким снежным покровом, Анна снова увидела ту самую девушку — та фотографировала замерзший фонтан с ледяными сосульками, ловя редкий луч солнца, пробившийся сквозь облака. Ее спутник отошел к оранжерее, разговаривая по телефону.

Рита ворвалась в ее мысли бодрым возгласом:

— Ну что, понравилась экскурсия? Вижу, что ты под впечатлением. А теперь срочно на дачу, к печке и горячему чаю! Я обещала атмосферный ноябрь! Вот и получай.

— Да уж, атмосферы хоть отбавляй, — с легкой дрожью согласилась Анна, бросая последний взгляд на красивую девушку, которая так хорошо вписывалась в зимнюю картину с задним фоном в виде старинной усадьбы.

Та повернулась, и на мгновение их взгляды встретились. Анна поспешно отвела глаза, смутившись. Незнакомка же лишь скользнула по ней равнодушным взглядом и тут же забыла, потому что в этот момент думала о другом. Снег добавил фотографиям волшебства — в соц-сетях будет масса лайков. Сергей был внимателен и улыбался. Дина думала, что дала ему ровно столько надежды, чтобы все оставалось как есть.

Но она ошиблась.

В понедельник вечером, за ужином, Сергей вернулся к разговору. Твердо и без эмоций. Медлить было нельзя — отец слабел с каждым днем.

— Дин, ты говорила, что нужно время. Я понимаю. Но давай хотя бы начнем процесс. Подадим заявление. Это просто бумага, ты сама говорила. А там посмотрим. — Его взгляд был пристальным и в нем не было прежней мольбы, только ожидание решения.

Дина листала глянцевого журнала, изучая новинки и скидки к Новому Году. Решение нужно было принимать молниеносно. Отказаться сейчас — рисковать всем. Согласиться — сохранить статус-кво и получить новые гарантии.

— Ну, если только заявление... — протянула она, делая вид, что сдается под напором его любви. — Но, Сережа, без нажима, ладно? Я хочу спокойно подготовиться к такому шагу.

— Конечно, — он почувствовал, как с плеч сваливается гора. Не от радости, а от облегчения, что хоть какой-то шаг сделан. — Просто формальность. Дату выберешь сама.

Они договорились на следующую субботу. Сергей выбрал ЗАГС в центре, тот самый, что рядом с домом и красивым парком. Романтично и символично.

В ту самую субботу утром его вызвали в клинику. Сергей, уже одетый по-праздничному, мрачно смотрел на телефон.

— Черт! Дина, прости, мне срочно нужно на пару часов. Мы встретимся прямо у ЗАГСа, в парке, у памятника Лермонтову. В два. Я буду!

Он ждал паники, капризов, обвинений, но Дина ответила просто:

— Хорошо, милый. Не переживай. Я возьму такси.

Эта покладистость обожгла его странной благодарностью. «Может, и правда меняется», — мелькнула в голове наивная, уже почти забытая надежда.

Операция затянулась. Он выскочил из клиники в четверть второго, на ходу застегивая пальто. В кармане пиджака лежала бархатная коробочка. По дороге купил букет — белые пионы и нежные фрезии, утонченные, как будущая невеста.

Парк. Памятник Лермонтову. 14:30.

Ноябрьский ветер гнал по дорожкам опавшие листья, припорошенные утренним инеем. Поэт в камне, задумчивый и вечно молодой, смотрел куда-то вверх голов. Сергей проверял телефон. Ни звонков, ни сообщений. «Наверное, задержалась в пробке», — убеждал он себя, хотя знал, что от ее любимого бутика сюда — пятнадцать минут неспешной прогулки.

15:00.

Холод начинал проникать сквозь тонкую подкладку пальто. Сергей волновался и позвонил. Сигналы уходили в пустоту, потом — долгие гудки. Написал смс: «Где ты? Все в порядке?». Сообщение осталось непрочитанным.

Снежок сеял мелкой, колючей пылью, оседая на темные плечи памятника и на обертку букета. В груди у Сергея медленно, но верно вырастала черная, тяжелая пустота. То самое чувство, когда тебя бросают. В сотый раз посмотрел на часы.

16:00. Два часа ожидания превратили последние сомнения в звенящую, ледяную уверенность. Она не придет.

Сергей Соколов подошел к чугунной урне, уродливой и пустой. Поднял руку с букетом. Цветы, купленные для призрачного будущего, были ему теперь так же ненавистны, как и собственная наивность.

И в этот самый момент сквозь грустные мысли прорвался незнакомый женский голос:

— Не выбрасывайте!

Глава 6

Нелепое замужество так выбило Анну из колеи, что девушка фактически потеряла сон. Вернее, спала урывками, просыпаясь от странных, обрывочных снов, где смешивались лицо незнакомца, запах пионов и глухой стук ее собственного сердца. Сидеть в пустой квартире, наедине с этой нелепой реальностью, стало невыносимо. Нужно было движение, хоть какое-то подобие рутины, которое вернуло бы равновесие. Прийти на работу за час до открытия было импульсивным решением.

Ключ с легким скрипом повернулся в замке библиотеки. Дверь отворилась, впустив в знакомый, но сейчас особенно гнетущий полумрак. Воздух пах остывшим за ночь теплом от батарей, бумажной пылью и тишиной — густой, почти осязаемой. Анна щелкнула выключателем. Несколько ламп над главным залом моргнули и зажглись, отбрасывая на паркет длинные, неуверенные тени. Огромное пространство, обычно наполненное тихим гулом читателей, сейчас было безмолвно и пусто, как заброшенный собор и каждый шаг отдавался гулким эхом.

Она не стала включать весь свет, а просто подошла к своему рабочему столу у высокого окна и поставила сумку. Руки сами потянулись к полке с книгами, ожидающими расстановки — старому, проверенному лекарству от любых мыслей. Но сегодня пальцы не слушались. Взгляд снова и снова соскальзывал на правую руку.

«Глупость. Чистейшая, неоправданная глупость», — бился в такт сердцу навязчивый ритм. Она вышла замуж под влиянием какого-то идиотского пророчества гадалки, похожей на продавщицу с базара. А муж еще и сбежал. Мысль о том, чтобы искать человека, который сам сделал выбор — вызывала жгучую волну стыда. Если бы можно было все изменить, то лучше бы эта история канула в лету, как тысячи других нелепостей на свете.

Анна машинально взяла со стеллажа первую попавшуюся книгу — «Герой нашего времени» Лермонтова. Ирония заставила сжаться сердце. Неделю назад неизвестный ей мужчина стоял и ждал кого-то у памятника поэту. А теперь Анна сама стала героиней абсурдного романа, который даже Печорин счел бы чересчур мрачным.

— Ну что, как поживает наша мисс Хавершам? Продолжаешь хранить свадебное платье? — Рита вошла в зал, снимая с плеч тяжелый рюкзак, лямки которого запутались в длинном вязанном шарфе. Ее взгляд, острый как булавка, мгновенно прилип к кольцу. — Ой, а ты его не сняла. Значит, не все еще потеряно. Кофе будешь?

Анна вздохнула, принимая дымящийся стаканчик. Горячее тепло ладоней было таким реальным на фоне эфемерного замужества.

— Снять, не снять. Какая разница? Факт в паспорте не сотрешь.

— Вот именно! — Воскликнула Рита и присела на краешек рабочего стола, нарушая все правила библиотечной тишины. — Факт — он упрямая штука. И игнорировать его — все равно что пытаться проигнорировать вой пожарной сирены.

— Он сбежал, Рита, — прошептала Анна, глядя мимо подруги на ряды переплетов. «Евгений Онегин», «Анна Каренина», «Госпожа Бовари». Великие истории о несчастливых браках и роковых решениях будто намекали ей с полок. — Искать того, кто сам сбежал? Это унижительно.

— Унижительно — это бояться! — парировала подруга, смахивая невидимую пылинку с «Джейн Эйр». — А вдруг не сбежал? Вдруг случилось что-то экстренное? Ты же сама говорила

— операция или что там еще? Может, он потом искал тебя, да где ж найдешь? Ты же не ведешь соцсети!

— Я о нем ничего не знаю, — тихо сказала девушка, проводя пальцем по золоченому корешку. — Только фамилию и имя. Соколов Сергей. Как искать-то? Все больницы в городе обзванивать: «А у вас не скрывается случайно сбежавший со свадьбы мой муж?»

— Ага, а ещё лучше — морги, — с сарказмом бросила Рита, но тут же спохватилась. — Ладно, шучу. Но фамилия — это уже ниточка! В наше-то время!

Рита спрыгнула со стола и энергично прошлась вдоль деревянных стеллажей, словно ища аргументы меж книжных томов.

— Смотри, — она ткнула пальцем в корешки. — Вот «Три мушкетёра» — искали подвески королевы. Вот «Гарри Поттер» — искали крестражи. А мы будем искать сбежавшего мужа! Не хуже. Кодовое название операции — «Выйти замуж за Соколова». По-настоящему. Не в паспорте, а в жизни. Найти и посмотреть в глаза. А там видно будет. Согласна?

Анна перевела взгляд с решительного лица подруги на книгу в своих руках. На обороте «Унесённых ветром» красовалась цитата: «Я подумаю об этом завтра».

Ее любимая отговорка. Щит, за который она пряталась годами. «Подумаю завтра» — о смене работы, о поездке, о свидании с несимпатичным, но «перспективным» кандидатом. И каждый раз «завтра» превращалось в «никогда». Но сейчас все иначе. Это «завтра» уже наступило. И оно принесло с собой не туманную надежду, а конкретный, холодный факт в виде штампа в паспорте. Откладывать больше было некуда. От этого «завтра» нельзя было убежать.

— Ладно, — выдохнула она, и это слово прозвучало как обет, данный самой себе среди немых свидетелей — тысяч бумажных судеб. — Согласна. Ищем Соколова.

Рита торжественно улыбалась. В тихой библиотеке, пахнувшей временем и бумагой, началась самая авантюрная операция в жизни Анны Самойленко.

— Так, — Рита быстренько сбросила сапожки и переделалась в удобные офисные туфли. — Первым делом — разведка.

Через минуту подруга сидели перед включенным монитором рабочего компьютера.

— Готова, мисс Соколова? — Рита с напускной серьёзностью положила руки на клавиатуру. — Вбиваем в поиск. Сергей Соколов. Город. Поехали.

Анна, стоя за ее спиной, сжала руки в замок. Казалось, сейчас на экране появится его лицо, и все встанет на свои места. Но реальность оказалась прозаичнее.

— Ого, — протянула Рита, прокручивая страницу. — В нашем городе двести тридцать пять Сергеев Соколовых. Интересно, а Ивановым или Петровых больше? Как думаешь?

— Больше, — вырвалось у Анны.

— А! — Рита обернулась, с торжеством глядя на подругу. — Значит, все-таки хотела его найти. Сама смотрела? Признавайся!

Анна покраснела и кивнула, глядя в пол.

— Так. А что мы еще знаем о нашем таинственном муже? — Рита взяла блокнот, изображая следователя.

— Ему тридцати пять, — тихо сказала Анна.

— Дату рождения вряд ли кто выставляет напоказ. Но ладно, фильтруем по возрасту. Вот, уже 154 человека. Прогресс. Ты совсем лица не помнишь?

— Смутно, — Анна закрыла глаза, пытаясь выудить из памяти четкий образ. Всплыло лишь общее впечатление: напряжение в плечах, опущенные уголки губ. — Высокий. Стройный. И волосы темные, коротко стриженные.

— Уже кое-что! — Рита снова принялась за клавиатуру. — Давай откроем первые десять, посмотрим по фото. Отсеем явно неподходящих. Может и повезет.

Она быстро кликала на аватары. Одни Сергей оказывались лысеющими мужчинами, другие — явно женаты. Анна смотрела на экран, и в груди поочередно загоралась и гасилась робкая надежда. Никто не был тем самым.

— Так, — Рита откинулась на спинку кресла. — Из первой десятки более-менее подходящих — трое. Ну вот, смотри.

Анна робко уселась на стул рядом с Ритой.

— Первый кандидат. Похоже, блогер. Ведет паблик про ЗОЖ, постное питание и сторис с коктейлями из сельдерея. Весь в лайках и хештегах.

Анна прищурилась. Тот мужчина у памятника не выглядел человеком, который выкладывает завтрак в сеть.

— Маловероятно.

— Согласна. Кандидат номер два. Врач. Вроде бы. В профиле минимум инфы, но в друзьях куча коллег из «Эко-Клиник» и паблики по пластической хирургии. На аватарке — тень в белом халате у окна. Загадочно.

Анна пригляделась. Снимок был нечетким, сделанным со спины. Но осанка. Возможно.

— И третий кандидат. Тут все просто: разведение собак. Фотографии только со шпиками, мопсами и овчарками. Лица хозяина почти не видно.

— Сомнительно, — вздохнула Анна. Пионы и фрезии как-то не вязались с миром выставок и передержек.

— Подожди, есть еще один, — Рита листала дальше. — Вот. Сергей Соколов. Тренер по боксу. Вернее, владелец элитного фитнес-клуба. Смотри, какой рельеф! Хотя на фото он больше в костюмах, чем в борцовке. Деловой вид.

— Дай-ка я, — Анна придвинула ноутбук и сама начала листать результаты поиска. Ее внимание привлекли не первые строчки. — Вот этот кто?

Рита наклонилась.

— Архитектор... Хм. Фотографий почти нет, в основном проекты. Зато на тех, что есть — строгий, внимательный взгляд. И похоже, что у него...

— ...залы с колоннами проектирует, — шепотом договорила Анна, глядя на фото современного бизнес-центра. Ее Сергей стоял у здания с колоннами. Совпадение?

— Подожди, вот еще, — Рита сузила глаза. — Сергей Соколов. Вся страница — как учебник молекулярной биологии. Ни одного личного фото. Нет! Этот женат! Фото пятилетней давности, не наш вариант, вычеркиваем.

Перед ними на экране замерли пять цифровых портретов. Пять Сергеев Соколовых. Пять возможных жизней, в одну из которых, Анна, сама того не желая, вписала свое имя.

Рита молча смотрела на подругу и ждала решения, а Анна молчала, водя пальцем по краю стола. Ни один из этих цифровых портретов не вызывал в душе отклика — ни страха, ни узнавания.

— И что, будем писать всем: «Добрый день, вы в субботу случайно не женились?» — с горьковатой иронией спросила она.

— Нет, — Рита решительно тряхнула головой. — Это слишком прямо и слишком глупо. Нас пошлют куда подальше. Нужен хитрый ход.

— Например?

— Например... — Подруга задумчиво уставилась в потолок, а потом взгляд упал на Анну. — Ты же библиограф. Твое оружие — информация и запросы. Что, если обратиться к нему по работе?

— Как по работе? — не поняла Анна.

— Ну, представь: «Здравствуйте, Сергей. Пишет Анна Самойленко, библиограф областной библиотеки. Готовим подборку по современной пластической хирургии (раз уж врач!) / по архитектуре общественных пространств (раз уж архитектор!) / по кинологии (ой, нет, это уже перебор). Хотим узнать ваше мнение как специалиста». И назначаешь деловую встречу. В кафе. И смотришь ему в глаза.

Идея была настолько блестящей и настолько пугающей, что у Анны перехватило дыхание.

— Я не смогу.

— Сможешь, — твердо сказала Рита. — Потому что иначе ты будешь до пенсии носить это кольцо, гадая, а был ли мальчик? Хочешь знать правду — надо идти на разведку. Под прикрытием.

Анна посмотрела на тонкую полоску золота на пальце. «Кто букет отдаст, тот и мужем будет». Пророчество сбылось. Теперь нужно было выяснить, что это за муж такой достался.

Она сделала глубокий вдох.

— Ладно. Пишем. Но только обещай, что ты будешь где-то рядом, иначе я со стыда сгорю.

Рита кивнула в знак согласия, повернулась к монитору и ее пальцы залетали над клавиатурой.

— Отлично. Операция по поиску Соколова переходит в активную фазу. Готовься, темная лошадка, мы идем к тебе.

А за окном библиотеки город окончательно проснулся, ничего не подозревая о том, что в его сердце, среди рядов старых книг, две подруги затеяли игру, ставка в которой — целая человеческая судьба.

Глава 7

Сложный случай закончился глубокой ночью. Когда на мониторах, наконец, установились ровные, успокаивающие ритмы, а коллеги, уставшие, но довольные, начали расходиться, Сергей понял: ехать домой нет сил физических, да и моральных тоже. Возвращаться в квартиру, где может быть его ждет Дина, долго и нервно выяснять отношения, было невыносимо. Поэтому, зайдя в ординаторскую, скинул халат и рухнул на жесткую кушетку, даже не раздеваясь. Сон накрыл, как волна — мгновенный, беспробудный, без сновидений.

Весь следующий день прошел в режиме автопилота: пациенты, бумаги, короткие разговоры с коллегами, которые, видя помятый вид, с любопытством поглядывали и осторожно интересовались, все ли в порядке. Сергей отмахивался, ссылаясь на усталость. И ждал, что она позвонит. Мысль о Дине вызвала сперва жгучую обиду, потом ледяное недоумение, а затем — странное, щемящее беспокойство. А что, если с ней что-то случилось? Не просто струсил, а попала в аварию? Он тут же гнал эти мысли прочь, считая их слабостью. Она сделала свой выбор. Он сделал свой.

Вечером Сергей снова остался в клинике, под предлогом подготовки отчета. На самом деле просто боялся тишины. Боялся остаться наедине с вопросом: «И что теперь?».

На столе настойчиво вибрировал телефон. Сергей проснулся не сразу, с трудом фокусируя затуманенный взгляд на экране. «Отец». Десять утра. Удалось поспать всего три часа.

— Аллю? — голос прозвучал хрипло и неуверенно.

— Ты где? — спросил Николай Петрович без предисловий. В его тоне была привычная сухость, но Сергей уловил под ней тонкую нить тревоги. — Два дня не звонишь, мать волнуется.

— В клинике, — Сергей сел, потирая переносицу. Мир медленно возвращался в фокус: стерильные стены, стол с бумагами, запах антисептика. И давящее воспоминание о двух женщинах сразу. Одна не пришла. Другая стала его женой. — Сложная операция была, пап. Поздно закончил, а потом дела, прием, отчеты. Все как всегда.

— Понятно, — в трубке повисла короткая пауза, которую Сергей напряженно ждал. — А в ЗАГСе-то ты был?

Вопрос прозвучал ровно, почти деловито, но сын знал: за ним стоит все — и болезнь, и страх не успеть, и безумная надежда увидеть сына устроенным. Сердце Сергея сжалось. Он видел перед собой не строгого начальника, а уставшего, угасающего человека, для которого этот брак стал символом продолжения жизни.

Лгать отцу сейчас было бы последним делом. Но говорить полную правду — это получить в ответ шквал вопросов, стресс, разочарование. «Ваш сын женился на случайной прохожей» — такой удар больной отец мог и не пережить.

— Был, — твердо сказал Сергей, делая первый шаг по тонкому канату. — И женился, пап.

Молчание в трубке казалось вечным. Потом послышался сдавленный, хрипловатый звук — то ли вздох удивления, то ли сдержанный кашель.

— Надеюсь, что это правда, — и в этих словах было столько усталого счастья, что Сергею стало горько и стыдно. — Значит, Дина согласилась? Умная девочка, ничего не скажешь.

Вот он, главный вопрос. Прямо в сердце. Сергей закрыл глаза.

— Мы расписались. Юридически все оформлено, — ответил он, уходя от прямого ответа, но в рамках правды. Это была его вторая полуправда. Он женился. Факт. На ком — опустим.

— Как-то не очень оптимистично, — в голосе отца зазвучала нотка недоумения.

— Все вышло очень спонтанно. — Сергей подобрал самое точное слово из возможных. — Не стали долго думать и откладывать на потом. Но, — он поспешил добавить, перехватывая инициативу, — главное же результат. А свадьба — это уже вторично.

Сейчас не стоило выкладывать всю правду, но объяснить столь безумный скоропалительный союз было необходимо.

— Давай я заеду к вам на обед, — предложил Сергей, чувствуя, как почва уходит из-под ног, и ему нужно хоть какое-то время, чтобы придумать план. — Расскажу все подробно. А то... так хочется домашней еды.

Это была не ложь. Он отчаянно нуждался в этом — в запахе маминых котлет, в строгом порядке отцовского кабинета, в иллюзии нормальности, которую могла дать только родительская квартира. Хотя бы на час.

— Хорошо, — после недолгого раздумья согласился Николай Петрович. — Мама как раз суп сварила. Приезжай. Поговорим.

Последнее слово прозвучало неловко, но искренне. Отец отключился. Сергей опустил телефон и устался в белую стену перед собой. Перед ним стояли две невозможные задачи. Первая — придумать хоть какую-то связную версию «спонтанной» свадьбы для родителей. Вторая, куда более пугающая, — найти Анну. Хотя бы для того, чтобы объясниться. Взгляд упал на темно-синий пиджак, висевший на спинке стула. Внутренний карман. Немного нервничая, вытащил свидетельство о браке. Развернул.

«Соколов Сергей Николаевич» и чуть ниже — «Самойленко Анна Викторовна». Полная дата. Номер акта. Печать.

Зачем ей это было нужно? И где теперь ее искать, если он, как последний идиот, даже номера телефона не спросил?

Дорога к родительскому дому, обычно занятая обдумыванием клинических случаев, сегодня была заполнена одним вопросом: что сказать об Анне? Сергей перебирал варианты, но каждый звучал фальшиво даже в его голове. Вся надежда была на горячий обед, мамину заботу, привычную обстановку. Может хоть это придаст сил и внесет в историю хоть какую-то ясность.

Дверь открыла мама, но на ее лице была не радость, а застывшая маска беспокойства.

— Мам, что случилось? — Сергей предположил худший вариант, сердце пропустило глухой удар. — Папе плохо?

— Нет, нет, с папой все хорошо, — она отрицательно качнула головой, но на глазах блеснули слезы. — Он в гостиной.

Тревога, холодная и липкая, поползла по спине. Сергей шагнул в комнату. Николай Петрович сидел в кресле у окна и неподвижно смотрел в одну точку. На столе лежал глянцевого журнала в стильной, кричащей обложке — «Elite Life».

На первой полосе, под броским заголовком «Скандалная помолвка: наследник сталелитейного концерна выбирает «ЗОЛУШКУ»!», красовалась фотография. Крупный план.

Дина. Она сияла, закинув голову назад в счастливом смехе. Ее обнимал за талию молодой мужчина в безупречно сшитом костюме — красивый, самоуверенный Артем Ковалев — наследник концерна «Уралсталь», так гласила подпись под фото.

Сергей не сразу понял. Мозг отказывался складывать пазл. Это фотошоп? Старая фотография? Но нет. На Дине было то самое платье от бельгийского дизайнера, которое он купил ей месяц назад. И бриллиантовые сережки, которые она назвала «скромными» и надела в день их последнего ужина в «Сосновом Бору».

Сергей машинально схватил журнал. Текст пестрел ядовитыми подробностями: «...роман вспыхнул стремительно... наследник познакомился с красавицей-провинциалкой на закрытом показе... не скрывает, что очарован ее естественностью... торжественная церемония помолвки прошла две недели назад на вилле семьи Ковалевых в Ницце...».

Две недели назад.

В памяти, как вспышка, возникла та самая дата. Он мысленно отмотал время. Да, именно тогда он вернулся из Москвы, с трехдневного международного конгресса. Дина встретила его в аэропорту уставшей и сказала, что пока он был в отъезде, «ездил к подруге в Питер, решать срочные проблемы».

«Купила новое платье, чтобы порадовать тебя, когда вернешься. Я так устала с дороги... Поехали домой».

Он, дурак, поверил. Обнял, почувствовал под пальцами шелк совершенно незнакомого платья, поцеловал ее в макушку и подумал, как ему повезло. А через пару дней после его возвращения они поехали на турбазу, где он сделал ей предложение! Она изображала нерешительность, говорила, что «нужно подумать». В то время как на пальце у нее, должно быть, уже остывало кольцо с ниццкой вишней!

Весь мир сузился до ядовитого глянца и этой улыбки на фотографии. Улыбки, которую он видел тысячи раз. Счастливой, игривой, лживой. Пять лет. Пять лет он был не мужчиной ее жизни, а удобным пристанищем. Наивным банкоматом. Простаком, которого держали про запас, пока не подвернется настоящий приз.

— Когда? — хрипло спросил он, не отрывая взгляда от страницы, хотя ответ уже был ясен как божий день.

— Журнал сегодня утром. Но новость уже дня три гуляет в определенных кругах, — холодно, без единой нотки «я же говорил», произнес отец.

Мать тихо всхлинула в дверях:

— Сынок, как же так... И в субботу... она же...

— Она не пришла, — закончил за нее Сергей. Его голос был плоским, как лезвие. Теперь все встало на свои места. Не страх, не сомнения. Циничный, хладнокровный расчет. Зачем

приходить на жалкую регистрацию с провинциальным врачом, когда твоя помолвка с олигархом уже украшает светскую хронику? Он был не брошен. Он был отбракован. Как ненужный балласт. Волна жгучего, унижительного стыда накатила на него, сменившись леденящей, все-сокрушающей яростью. Таинственные звонки, поездки «к подругам», вся история с Ренатом... Это был не спектакль. Это была многоходовая операция. А он, доверчивый идиот, все пять лет был в ней главным персонажем.

— Я женился не на Дине! — бросил он, уже направляясь к выходу. Слова вырвались сами, грубо и без объяснений.

За спиной повисло ошеломленное молчание, а затем голос матери, сорвавшийся на высокой ноте:

— Сережа! Как это понять?! На ком же тогда?!

— Потом! — рявкнул он, не оборачиваясь, и вылетел в прихожую. — Вы хотели — я женился. Все остальное — мои проблемы!

Он схватил журнал, выбежал из квартиры, хлопнув дверью так, что задрожали стены, и помчался по лестнице, не чувствуя ног. В голове стучала одна мысль, ясная и жестокая: найти этого уродца. Сейчас же. Узнать. Услышать из его наглой рожки, как они его обставили. Потом он разберется с Анной, с клиникой, с жизнью. Но сначала — это.

На улице резко пахло снегом и сырым асфальтом. Сергей судорожно достал телефон, вызывая такси. На экране замигал значок «водитель уже близко». Белый седан подъехал к тротуару, и Сергей ринулся к машине, не замечая девушку.

И в этот момент — мягкое, но отчетливое столкновение.

— Ой! Извините, — бросил Сергей на ходу, даже не оборачиваясь, а продолжая смотреть на дорогу. — Тороплюсь.

Сергей рывком открыл переднюю дверь и грузно опустился на сиденье.

— Но это же... — возмущенный женский голос донесся сзади, но слова потерялись в городском шуме.

— улица Зеленая, 15. Быстро, пожалуйста.

— Молодой человек, это мое такси, — пыталась докричаться девушка, но безуспешно.

Сергей не слышал и ничего не замечал вокруг. Водитель, пожилой мужчина с усталыми глазами, пожал плечами, вздохнул и тронулся с места, сменив адрес в навигаторе. Видимо, такой отчаянный вид пассажира не предполагал дискуссий.

В это самое время Анна Самойленко стояла на том же тротуаре, растерянно поправляя сумку на плече и с недоумением глядя в след скрывшемуся в потоке белому седану. Какой нахал! Чуть не сбил и даже толком не извинился. Телефон завибрировал в руке. Рита.

— Ну что, ты едешь? Уже на месте? — услышался бодрый, полный ожидания голос.

— Да, почти. Точнее, еще нет, — Анна вздохнула, отходя к остановке. — Со мной только что приключилась история. Я вышла из библиотеки, вызываю такси, и какой-то тип сломя голову выбегает из подъезда, врывается в меня, бормочет «тороплюсь» и буквально перехватывает мою машину! Водитель, видимо, его и принял за меня и уехал.

— Ого, наглец! — засмеялась Рита. — Ну и что? Вызвала другое?

— Да, конечно, уже еду. Но, понимаешь, Рита, — голос Анны стал тише, в нем зазвучала неуверенность. — Мне кажется, это знак. Что этот Сергей... не тот. Что все это зря. Может, просто не надо?

— Ой, да перестань! — отмахнулась подруга. — Ты в последнее время слишком веришь в знаки и мистику, гадалка чтоль на тебя так подействовала? Езжай, давай. Я тебя здесь прикрою — если что. Главное — позвони сразу, как все закончится.

— Ладно, — слабо улыбнулась Анна, глядя на подъезжающее такси. — Еду. Спокойствие, только спокойствие.

— Вот и умница. Удачи!

Анна отключилась и села в салон. Сердце по-прежнему колотилось — и от нелепой стычки у тротуара, и от предстоящей встречи.

«Знак или нет?» — в любом случае, отступить было поздно.

Глава 8

Кафе «Бриз» располагалось в старинном особняке с арочными окнами и витражами, которые отбрасывали на стены причудливые разноцветные блики. Анна пришла за полчаса до встречи, выбрала столик в углу, откуда было видно и вход, и уютный дворик с заледеневшим фонтаном. Заказала чашку капучино и пыталась отвлечься, рассматривая меню, но буквы расплывались перед глазами. В голове звучал навязчивый саундтрек из смеси стука сердца и фразы: «А если это он?».

Анна представила себе десятки сценариев. Вот он входит, узнает ее, бледнеет и пытается сбежать. Он входит, не узнает, и она вынуждена вести нелепый разговор о разведении собак. Он не приходит вовсе. Третий вариант казался самым предпочтительным.

Ровно в назначенное время дверь кафе распахнулась, впуслав порыв холодного воздуха и... мужчину с огромным букетом алых роз. Анна замерла. Незнакомец был высок, строен, в элегантном, но немного старомодном пальто. Сердце едва не выпрыгнуло из груди. «Неужели правда? Он узнал? Ждал?» — пронеслось в голове.

Мужчина огляделся, направился напрямик к Анне, но прошел мимо к столику у окна, где его уже ожидала эффектная блондинка. Они поцеловались, он преподнес розы. Анна выдохнула, чувствуя, как жар стыда заливаает щеки. Какая же она дура!

И в этот момент дверь снова открылась. На пороге стоял мужчина лет сорока в яркосиней пуховой куртке с логотипом питомника, в руках — не цветы, а поводок. На том конце поводка, скуля от восторга и пытаясь лизнуть всех в радиусе метра, был пушистый золотистый ретривер.

— Самойленко Анна? — громко спросил мужчина, оглядывая зал. Все посетители обернулись. Собака радостно взвизгнула.

Анна, покраснев еще больше, робко подняла руку.

— Здравствуйте.

Сергей Соколов-кинолог (а это явно был он) широко улыбнулся, будто нашел давно потерянного друга, и направился к ее столику, с трудом удерживая энергичного пса.

— Очень приятно! Сергей. А это — Грейс, чемпионка выставки в Красноярске, — он с гордостью представил собаку, которая тут же улеглась у ног Анны, положив морду на кожаные сапожки и глядя преданными карими глазами.

— Очаровательна, — искренне сказала Анна, глядя шелковистую шерсть на голове Грейс. Контакт с живым, теплым существом немного успокоил нервы.

— Так вы говорите, готовите материал о роли собак в современном мегаполисе? — Сергей, отодвинув стул, уселся, не снимая куртку. — Отличная тема! Я вам могу рассказывать часами! Вот Грейс, например, не просто собака. Это лучший антистресс, личный психолог и мотиватор на прогулку в любую погоду!

Он говорил страстно, увлеченно, и Анна слушала, кивая, временами задавая уточняющие вопросы, которые заранее придумала с Ритой. Но внутри все сжималось от разочарования. Этот человек — милый, добрый, помешанный на своих питомцах — не был тем самым Сергеем. В его глазах не было и тени затаенной боли, решимости и пустоты, которые она мельком уловила тогда, в ЗАГСе. Этот Сергей жил в простом, понятном мире кормов, выставок и собачьей беззаветной любви. Ее Сергей... ее «муж»... жил в каком-то другом, сложном и мрачном мире.

— Вы знаете, — говорил кинолог, заказав второй латте, — многие одинокие люди находят в собаке смысл жизни. Она никогда не предаст, не обманет. Верный друг. Вот, например, у нас в питомнике есть щенок, помесь лабрадора и дворняжки, так он... Ой, простите, я, наверное, слишком увлекся.

— Нет-нет, все очень интересно, — поспешно заверила его Анна, чувствуя себя последней лицемеркой. Она использовала этого милого человека в своих целях, и ей было неловко.

— Знаете, — Сергей вдруг пристально посмотрел на нее, и в его взгляде появилась неподдельная теплота. — Вы какая-то очень грустная. Если позволите дать совет не как кинолог, а как человек? Заведите собаку. Живое существо в доме — это лекарство от одиночества. Проверено.

Его слова, сказанные так просто и искренне, попали прямо в цель. Анна сглотнула комок в горле.

— Я больше кошек люблю, — призналась она.

— Кошки?! — Сергей откинулся на спинку стула, изобразив комичное разочарование, но глаза смеялись. — Ну что ж, выбор уважаю. У моей сестры как раз питомник британских вислоухих. Элитные коты, с родословной. Хотите, я ей позвоню? У нее как раз недавно был помет, одного котенка еще не забронировали.

— Ой, нет, что вы! — Анна замахала руками. — Я так, к слову...

— Да без проблем! — Сергей уже доставал телефон. — Я ей сейчас позвоню, она живет в пяти минутах. Пусть привезет, посмотрите. Ни к чему не обязывает! Просто познакомиться.

Не успела Анна найти достойный отказ, как он уже набрал номер и бодро говорил в трубку:

— Лен, привет! Слушай, у меня тут замечательная девушка в кафе, любительница котиков. Да-да, привези того серенького вислоухого, мальчика. Мы в «Бризе». Да ладно, не удержишь! Спасибо, родная!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.